



ТЕННЕССИ УИЛЬЯМС

*КОШКА НА РАСКАЛЕННОЙ
КРЫШЕ
СТЕКЛЯННЫЙ ЗВЕРИНЕЦ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КЛАССИКА (АСТ)

Теннесси Уильямс

**Кошка на раскаленной
крыше. Стекланный зверинец**

«Издательство АСТ»

1945, 1954

УДК 21.111-2(73)
ББК 84(7Coe)-6

Уильямс Т.

Кошка на раскаленной крыше. Стекланный зверинец /
Т. Уильямс — «Издательство АСТ», 1945, 1954 — (Эксклюзивная
классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-123330-3

В этот сборник вошли две классические пьесы Теннесси Уильямса, объединенные вечно актуальной, увы, темой женского одиночества. Мучительно одинока юная Лаура – беспомощная и безгласная жертва амбиций громкой, авторитарной матери, замкнувшаяся в игрушечном «стеклянном зверинце» своих грез и фантазий и обреченная, словно ее любимец – сказочный единорог. Но не менее одинока и красавица Мэгги по прозвищу «Кошка» – нищая южная аристократка, чужая в грубоватом клане миллионеров-нуворишей и изнывающая в сложном, полном жгучей любви, ядовитой ревности и ненависти браке. Есть ли лекарство от этого одиночества? Возможно ли выплыть, вырваться из него или в нем можно лишь утонуть?

УДК 21.111-2(73)
ББК 84(7Coe)-6

ISBN 978-5-17-123330-3

© Уильямс Т., 1945, 1954
© Издательство АСТ, 1945, 1954

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Кошка на раскаленной крыше | 5 |
| Действие первое | 7 |
| Действие второе | 26 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 30 |

Теннесси Уильямс

Кошка на раскаленной крыше. Стеклоанный зверинец

Кошка на раскаленной крыше

Одри Вуд посвящается

Действующие лица

Поллит-старший; его называют Папа.

Ида Поллит – его жена; ее называют Мама.

Брик – их сын.

Маргарет – его жена.

Гупер – брат Брика; его иногда именуют Братец.

Мэй – жена Гупера; ее иногда именуют Сестрица.

Доктор Бо – врач.

Тукер – священник.

Лейси

Суки

Дикси – девочка, дочь Гупера и Мэй.

Еще одна девочка и два мальчика – также их дети.

Замечания по художественному оформлению

Действие происходит в одной из комнат плантаторского особняка где-то в низовьях Миссисипи. Комната эта служит и спальней, и гостиной; к ней примыкает висячая галерея, которая, по-видимому, огибает весь дом. На галерею ведут две очень широкие двустворчатые двери; за ними – белая балюстрада на фоне ясного летнего неба, которое по ходу действия пьесы (события, происходящие в ней, занимают ровно столько же времени, сколько длится спектакль, не считая, конечно, пятнадцати минут перерыва) постепенно меркнет, темнеет, становится ночным. Интерьер комнаты, пожалуй, не соответствует нашему представлению о том, какой должна быть обстановка дома владельца крупнейшей хлопковой плантации в дельте Миссисипи. Комната обставлена в викторианском стиле с примесью дальневосточной экзотики. Ее убранство мало изменилось с тех пор, когда в ней жили прежние хозяева плантации – старые холостяки Джек Строу и Питер Очелло. Иначе говоря, здесь витают призраки прошлого, на всем лежит его мягкий, лирический отпечаток. Пусть это прямо и не относится к делу, но, когда я думал о декорациях для пьесы, в памяти у меня всплывала виденная когда-то старая фотография: веранда дома Роберта Луиса Стивенсона на одном из островов архипелага Самоа, где он провел свои последние годы. Мягкий, покойный свет на дачной мебели из бамбука и ивняка, потемневшей от тропического солнца и тропических ливней, навевал мысли о том, как благодатен и отраден этот ласковый свет утешающего тихого летнего дня, как утешает он и умиротворяет душу, смягчая все, чего ни коснется, – даже страх смерти. Декорации, на фоне которых будет разворачиваться действие этой пьесы, имеющей

дело с предельным напряжением человеческих чувств, нуждаются, по-моему, в подобной смягчающей теплоте.

В одной боковой стене – дверь в ванную; когда она открыта, видны только светло-голубые изразцы и серебристые вешалки для полотенец. В противоположной стене – дверь, ведущая в холл. Два предмета обстановки заслуживают особого упоминания: большая двуспальная кровать, которая при установлении мизансцен должна по возможности чаще использоваться в качестве функциональной детали декорации и плоскость которой должна быть несколько наклонена в сторону зала, с тем чтобы зрителям были лучше видны фигуры актеров на ней, и монументальное современное чудовище – помещающийся в простенке между двумя огромными двойными дверями в задней части сцены гигантский комбайн (сочетание радиоприемника, стереопроигрывателя с тремя динамиками, телевизора и бара с множеством бокалов и бутылок). Этот агрегат, представляющий собой цветовую композицию из приглушенного серебристого блеска металла и переливчатых оттенков зеркального стекла, служит связующим звеном между коричневато-золотистыми (сепия) тонами интерьера и холодными (белыми и синими) тонами галереи и неба. Сей монумент – настоящий маленький храм – является законченным и компактным воплощением практически всех тех благ и иллюзий, за которыми люди пытаются укрыться от того, с чем сталкиваются персонажи этой пьесы... Декорация должна быть гораздо менее реалистичной, чем это можно предположить на основе сделанного выше описания. По-моему, стены под потолком должны таинственно расплываться в воздухе, а вместо потолка должно быть небо; пусть на нем будут слегка намечены молочно-белыми бликами звезды и луна, словно видимые через несфокусированный объектив телескопа. Что еще? Ах да, фрамуги над всеми дверями – веерообразные окошки со стеклами синего и янтарного цвета. И главное: необходимо предоставить актерам максимальный простор для свободного передвижения по сцене, как если бы это была декорация для балета (движение актеров призвано передать душевное беспокойство персонажей, их страстное стремление вырваться). Летний вечер. Сценическое действие пьесы непрерывно; спектакль идет с двумя антрактами.

Действие первое

Когда поднимается занавес, мы слышим, как кто-то принимает душ в ванной, дверь в которую полуоткрыта. В комнату входит хорошенькая молодая женщина с печатью беспокойства на лице; она идет к двери в ванную.

Маргарет (стараясь перекричать шум воды). Один из этих бесшеих уродов уронил мне на платье жирный горячий пирожок – пришла переодеться!

Речь у Маргарет быстрая и одновременно протяжная. В длинных монологах голос ее звучит певуче – на манер речитатива священника, служащего литургию. Она почти выпевает фразы и говорит с придыханиями, потому что, произнося тираду, постоянно задерживает вдох. Иногда ее речь переходит на миг в настоящее пение без слов, что-то вроде «Ла-да-да-а-а!».

Шум льющейся из душа воды смолкает, и Брик, которого мы пока еще не видим, откликается из ванной. Когда он обращается к Маргарет, его тон выражает показной – из вежливости – интерес, маскирующий безразличие, а то и что-нибудь похуже.

Голос Брика. Ты что-то сказала, Мэгги? Вода шумела, и я ничего не расслышал...

Маргарет. Я только сказала, что... один из бесшеих уродов заляпал... мое красивое кружевное платье и мне придется пе-ре-одеться... (*Выдвигает и рывком задвигает ящики комода.*)

Голос Брика. Почему ты называешь детишек Гупера бесшеими уродами?

Маргарет. Потому что у них нет шеи – вот почему!

Голос Брика. Разве у них нет шеи?

Маргарет. Ни намек на шею. Их маленькие круглые головки сидят прямо на маленьких круглых туловищах.

Голос Брика. Печальный факт.

Маргарет. Конечно, печальный: нельзя свернуть им шею, хотя руки чешутся. Разве не так, милый? (*Снимает платье и остается в кружевной атласной комбинации цвета слоновой кости.*) Да-да, это бесшее уроды... все бесшее люди – уроды...

Снизу доносятся пронзительные крики детей.

Слышишь? Послушай, как визжат! Вот интересно: шеи нет, горла нет, а голос – дай бог каждому! Весь этот праздничный ужин, согласишься ли, просидела как на иголках: думала, нервы не выдержат, еще немного – и я закину назад голову и так заору, что в соседних штатах услышат, и в Арканзасе, и в Теннесси, и в Луизиане. Я говорю твоей очаровательной невестке: «Мэй, душечка, неужели нельзя было покормить этих прелестных малюток за отдельным столом, покрытым клеенкой? Они ужасно свинячат, а эта кружевная скатерть такая красивая». Та даже глаза закатила: «Ну не-е-ет! В день рождения нашего Папы?! Да он в жизни бы этого мне не простил!» И тут, скажу я тебе, не просидел Папа и пары минут за одним столом с пятью этими бесшеими уродцами, пачкающими все вокруг и пускающими слюни в тарелку, как он швырнул вилку и гаркнул: «Черт возьми, Гупер, убрал бы ты этих поросят к корыту на кухне!» Ой, честное слово, я чуть не умерла-а-а! (*Смеется.*) Ой!.. Подумать только, Брик, у них уже пятеро и шестой на подходе. И весь этот выводок они приволокли сюда, словно скотину на сельскохозяйственную выставку. Посмотри, они все время демонстрируют своих деток, все время заставляют их показывать номера! «Малыш, покажи-ка дедуле, как ты умеешь делать то, покажи дедуле, как ты умеешь делать это; ну-ка, лапуся моя, скажи дедуле стишок.

А ты, сладенькая, покажи, какие у нас ямочки! Ну-ка, братик, покажи дедуле, как ты стоишь на голове!» И этот цирк продолжается без конца, а в промежутках между номерами – постоянные намеки на то, что мы с тобой не обзавелись ни одним ребенком, совершенно бездетны и поэтому совершенно бесполезны. Все это, конечно, смешно, но и противно тоже, потому что очень уж заметно, чего они добиваются!

Голос Брика (безразличным тоном). Чего же они добиваются, Мэгги?

Маргарет. Ты сам знаешь, чего они добиваются!

Брик (появляясь). Нет, я не знаю, чего они добиваются.

Он стоит в дверях ванной, вытирая полотенцем голову и держась за вешалку для полотенец: у него сломана в щиколотке нога; на ней – гипсовая повязка. Его тело все еще по-юношески стройно и упруго. Алкоголь пока что не произвел заметных внешних разрушений. Выражение спокойной отрешенности, которое бывает у людей, прекративших борьбу, придает ему дополнительное обаяние. Однако время от времени, когда его равновесие оказывается потревоженным, за этой отрешенностью мелькает, словно молния на ясном небе, нечто такое, что говорит о глубоко запятанном душевном разладе. Быть может, при более ярком освещении была бы видна некоторая одутловатость, но угасающий, хотя все еще теплый свет, который падает в комнату со стороны галереи, щадит его.

Маргарет. Хорошо, мой мальчик, я скажу тебе, чего они добиваются! Они добиваются того, чтобы тебе не досталась плантация твоего отца, и... (на мгновение лицо ее застывает; следующие слова она произносит понизив голос, так, как если бы это было трудное личное признание) теперь, когда мы знаем, что Папа умирает от рака...

Снизу, с лужайки перед домом, доносятся приглушенные расстоянием голоса. Маргарет поднимает свои красивые обнаженные руки и с легким вздохом припудривает подмышки. Придавая нужный угол увеличительному зеркалу, она поправляет перед ним ресницы, затем раздраженно встает.

В этой комнате столько света, что...

Брик (тихо, но резко). Разве?

Маргарет. Что – разве?

Брик. Разве мы знаем, что Папа умирает от рака?

Маргарет. Сегодня получено заключение врачей.

Брик. О...

Маргарет (опуская бамбуковые шторы, от которых на все в комнате ложатся полосатые золотистые тени). Да, только что получили заключение... Для меня, мальчик мой, это не было неожиданностью. (У нее гибкий, музыкальный голос. Иногда он понижается и становится похожим на мальчишеский – в такие моменты мысленному взору внезапно представляется, как ребенком она играет в мальчишеские игры.) Я узнала симптомы, как только мы приехали сюда весной, и поклясться тебе готова, что Братец со своей половиной тоже все поняли. Не поэтому ли они вдруг отказались от своей ежегодной летней миграции под прохладную сень Национального парка в Аппалачах и примчались сюда со всей своей крикливой ордой?! И не поэтому ли они с недавних пор к месту и не к месту поминают Рейнбоу-хилл? Ты знаешь, что такое Рейнбоу-хилл? Лечебница, куда помещают алкоголиков и наркоманов из числа кинознаменитостей.

Брик. Я не кинознаменитость.

Маргарет. Верно, и ты не наркоман. Во всем же остальном, мой мальчик, ты – прямой кандидат в это заведение, а именно туда они намерены упечь тебя. Но это – только через мой

труп! Да-да, только через мой труп они упрячут тебя в Рейнбоу-хилл, но ничто не доставило бы им большего удовольствия. Еще бы! Тогда Братец наложил бы руку на отцово имущество, выдавал бы нам жалкое содержание или, глядишь, получил бы доверенность на ведение всех дел и стал бы подписывать наши чеки и отказывать нам в деньгах, когда ему, сукину сыну, вздумается! Как бы тебе это понравилось, малыш? А ведь ты буквально все делаешь для того, чтобы вышло так, как они мечтают, прямо из кожи вон лезешь, помогая им добиться своего! Бросил работу, чтобы целиком предаться пьянству! Этой ночью сломал себе ногу на школьной спортивной площадке. Что ты там делал? Занимался барьерным бегом? В два или в три часа ночи? Фантастика! Попал в газету. «Кларксдейл реджистер» поместила ехидную заметочку о том, как минувшей ночью известный в прошлом спортсмен организовал на беговой дорожке местной средней школы показательный единоличный забег с препятствиями, но, будучи слегка не в форме, не взял первого же барьера! Братец Гупер уверяет, что он употребил все свое влияние, чтобы эта история не стала достоянием Ассошиэйтед Пресс, Юнайтед Пресс или черт знает каких еще «пресс» и не получила огласки на всю страну. Но знаешь что, Брик, у тебя все же есть одно большое преимущество!

Во время этого стремительного словоизлияния Брик с контрастирующей медлительностью ложится на белоснежную постель и осторожно переворачивается на живот.

Брик (скривив губы). Ты что-то сказала, Мэгги?

Маргарет. Папа в тебе души не чаёт, милый. И он терпеть не может Братца и его супружницу, плодовитую, как крольчиха; Мэй ему просто омерзительна. Знаешь, как я догадалась? По гримасам отвращения, которые пробегают по его лицу, когда эта женщина разглагольствует на одну из своих излюбленных тем – о том, скажем, как она отказалась от обезболивания, когда рожала близнецов! Потому что, видите ли, каждая женщина должна, по ее мнению, пройти через все муки деторождения, чтобы полностью оценить радость и красоту материнства! Ха! (Это громкое «ха» она сопровождает каким-нибудь резким жестом, например, со стуком задвигает ящик.) Или как она уговорила Братца прийти к ней в палату для рожениц и стоять возле нее во время родов, дабы и он сполна приобщился к «радости и красоте» акта рождения этих бесшеих уродцев... (В других устах подобные речи звучали бы отталкивающе, но в устах Маргарет они скорее забавны, потому что ее глаза все время весело поблескивают, а голос дрожит от сдерживаемого смеха, по существу добродушного.) Папа разделяет мои чувства по отношению к этой парочке! Что же касается его чувств ко мне, то он не прочь посмеяться вместе со мной и вообще относится ко мне терпимо. Скажу больше! Я иногда подозреваю, что Папа питает ко мне неосознанное влечение как к женщине...

Брик. С чего ты взяла, что Папа питает к тебе влечение как к женщине, Мэгги?

Маргарет. Видела, как он опускает глаза и скользит взглядом по моей фигуре, когда мы с ним разговариваем, и как он облизывает свои старые губы при виде моих прелестей.

Брик. Так говорить – отвратительно.

Маргарет. Слушай, Брик, не строй ты из себя зануду пуританина! По-моему, это просто здорово, что старикан, стоя на пороге смерти, все еще оглядывает мою фигуру с большим и, как мне кажется, заслуженным одобрением! А хочешь, скажу, что я еще заметила? Папа не знал, сколько всего народилось на свет маленьких копий Мэй и Гупера! «Сколько у вас детишек?» – спрашивает он за столом, словно Братец с супругой его новые знакомые! Тут Мама говорит, что это он пошутил, но старик и не думал шутить, куда там! Когда же они сообщили ему, что у них уже пятеро и ожидается шестой, для него эта новость явно прозвучала неприятным сюрпризом...

Внизу раздаются вопли детей.

Вопите, уроды! *(Оборачивается к Брику с неожиданно веселой и обаятельной улыбкой, которая тут же гаснет, когда она замечает, что он не смотрит на нее. С отсутствующим выражением лица он глядит в пространство, залитое тускнеющим золотым светом. Это постоянное ощущение стены отчуждения, которой Брик отгородился от нее, придает юмору Маргарет горький характер.)* Да, ты много потерял, что не спустился к ужину, малыш. *(Всякий раз, когда она, обращаясь к нему, говорит «малыш», это слово звучит нежно и ласково.)* Папа, храни его Бог, он просто душка, самый славный старикан на свете, но ты же знаешь, как он держится за едой: уткнется в тарелку и ничего вокруг замечать не желает. Ну так вот, Мэй с Гупером садятся за стол рядышком, как раз напротив Папы, и наперебой талдычат о том, какие смышленные да какие способные их бесшие уроды, а сами все наблюдают за его лицом – уставились, как два коршуна. *(Нервно смеется, откинув голову на лебединой шее и произвольно перебирая пальцами у горла и груди. Затем, выйдя на авансцену, наглядно изображает всю эту картину в лицах, меняя голос и помогая себе жестами.)* А бесших уродцев рассадили вокруг стола, кого на высоких стульчиках, кого на комплектах «Книги – знание», и всем напялили на головы бумажные маскарадные колпачки в честь дня рождения Папы. И это надо было видеть: Братец и его благоверная весь ужин беспрерывно – хотя бы на минутку угомонились! – обменивались какими-то знаками, толкали друг друга локтем в бок, щипались, пинались, переглядывались и перемигивались! Ни дать ни взять пара шулеров, обирающих простофилю. Наконец даже Мама, а она ведь, пошли ей Бог доброго здоровья, не шибко смекалистая и сообразительная старая дама, и та что-то заметила и спрашивает: «Гупер, о чем это вы с Мэй переговариваетесь между собой с помощью всех этих знаков?» Честное слово, я чуть куриной косточкой не подавилась! *(Возвращается к туалетному столику с зеркалом; сейчас, как и во время предыдущей речи, она не видит Брика.)*

Он следит за ней с таким выражением в глазах, которому трудно дать определение: заинтересованное? Возмущенное? Презрительное? Пожалуй, и то, и другое, и третье плюс что-то еще.

Знаешь, твой брат Гупер все еще обольщает себя иллюзией насчет того, какой гигантский шаг вверх по общественной лестнице он сделал, женившись на мисс Мэй Флинн из семейства Флиннов – мемфисских «аристократов». *(Говоря, она все время движется по комнате, оставаясь у зеркала, идет дальше.)* Но у меня есть для Гупера неприятные новости. Никакими аристократами Флинны никогда не были; если и были чем-нибудь, то только денежными мешками, но и деньги они потеряли. Так что это в лучшем случае – ловкие выскочки. Конечно, когда Мэй Флинн начала вращаться в мемфисском обществе, я еще под стол пешком ходила: мой первый выход в свет в Нашвилле состоялся лет этак через восемь, но в Уорд-Белмонтском колледже у меня были подружки из Мемфиса; они часто гостили у меня, а я приезжала к ним в гости на рождественские и на весенние каникулы, – уж я-то знаю, кто котируется и кто не котируется в мемфисском обществе. Так вот: папаша Флинн чуть было не угодил в федеральную тюрьму за темные биржевые махинации, которыми он занялся после краха его торговой фирмы. А что до того, что Мэй однажды была королевой хлопкового карнавала, о чем нам без конца напоминают, чтобы мы, избави Боже, не забыли, то этой чести не позавидуешь! Воссесть на медном троне посреди липкой от краски платформы, которую везут по Мейн-стрит, и одарять улыбками, поклонами и воздушными поцелуями всякий сброд на улице... *(Достает туфли, украшенные драгоценностями, и устремляется к туалетному столику.)* Ты слышал, какая история приключилась с Сюзан Макфитерс, когда ее в позапрошлом году удостоили этой чести? Знаешь, что произошло с бедняжкой Сюзан Макфитерс?

Брик *(с отсутствующим видом)*. Нет. Так что же произошло с Сюзан Макфитерс?

Маргарет. Ей плюнули в лицо табачной жвачкой.

Брик (*думая о другом*). Плюнули в лицо табачной жвачкой?

Маргарет. Вот именно. Какой-то пьяный старик высунулся из окна гостиницы «Гейозо» и заорал: «Эй, королева, эй, глянь-ка сюда, королевочка!» Бедная Сюзи подняла головку и одарила его лучезарной улыбкой, а он взял и сплюнул табачную жвачку бедняжке прямо в лицо.

Брик. И откуда тебе об этом известно?

Маргарет (*весело*). Откуда? Я там была, я это видела!

Брик (*рассеянно*). Забавная история.

Маргарет. Сюзи не нашла ее забавной. Впала в истерику. Вопила как помешанная. Пришлось остановить процессию, снять ее с трона и продолжать... (*Видит в зеркале его лицо, издает легкое восклицание, резко поворачивается и глядит на него.*)

Проходит десять секунд.

Почему ты на меня так смотришь?

Брик (*теперь он тихо насвистывает*). Как, Мэгги?

Маргарет (*напряженно, со страхом*). Так, как ты смотрел на меня только что, перед тем как я поймала в зеркале твой взгляд и ты принялся насвистывать! Не знаю, что он выражает, но от него у меня кровь леденеет! В последнее время я часто ловлю этот взгляд. О чем ты думаешь, когда смотришь на меня?

Брик. Я не сознавал, что смотрю на тебя, Мэгги.

Маргарет. Смотрел, я видела, чувствовала! О чем ты думал?

Брик. Я не помню, чтобы я о чем-нибудь думал, Мэгги.

Маргарет. Неужели я сама не знаю, что... Думаешь... я сама не знаю, что...

Брик (*спокойно*). Что, Мэгги?

Маргарет (*с трудом подыскивая слова*). ...что со мной произошло это... ужасное... превращение, что я стала жесткой! Резкой! (*Затем – почти что нежно.*) Безжалостной! Вот что ты замечаешь во мне с некоторых пор. Да и как бы ты мог этого не заметить?! Все верно. Я перестала быть... тонкокожей, больше не могу позволить себе быть тонкокожей. (*Овладевая собой.*) Но знаешь, Брик?.. Брик!

Брик. Что ты сказала?

Маргарет. Я собираюсь сказать: мне... одиноко. Очень!

Брик. Это со всеми бывает...

Маргарет. Когда живешь рядом с тем, кого любишь, можно почувствовать себя еще более одиноким, чем когда живешь совсем одна! Если тот, кого любишь, не любит тебя...

Пауза. Брик, опираясь на костыль, проходит на авансцену, садится.

Брик (*спрашивает, не глядя в сторону Маргарет*). Может, ты хочешь жить одна, Мэгги?

Еще одна пауза: от обиды у Маргарет перехватило дыхание.

Маргарет. Нет! Господи! Не хочу! (*У нее снова перехватывает дыхание. Она с трудом сдерживает желание закричать, дать волю чувствам. Сделав большое усилие над собой, медленно возвращается в мир повседневности, где можно говорить об обыденных вещах.*) Ну как, хорошо сполоснулся?

Брик. Угу.

Маргарет. Вода была прохладная?

Брик. Нет.

Маргарет. Но все же освежился, а?

Брик. Немного...

Маргарет. Я знаю средство, которое освежает гораздо лучше!

Брик. Какое?

Маргарет. Растирание спиртом. Или одеколоном. Растереть все тело одеколоном!

Брик. Это хорошо после тренировки, а я давно не тренируюсь, Мэгги.

Маргарет. И все же сохраняешь прекрасную форму.

Брик (равнодушно). Ты так думаешь, Мэгги?

Маргарет. Я всегда считала, что те, кто пьет, становятся некрасивыми. Как я ошибалась!

Брик (с кривой улыбкой). Спасибо за комплимент, Мэгги.

Маргарет. Все пьющие заплывают жиром – ты единственное исключение.

Брик. Я тоже округляюсь, Мэгги, все мышцы расслабли.

Маргарет. Ну что ж, рано или поздно пьянство расслабляет человека. Вот так оно начало расслаблять Капитана, когда... (*Останавливается на полуслове.*) Прости. Я не хотела беречь старые раны. Уж лучше бы ты пропил свою красоту – тогда искушение святой Мэгги не было бы таким невыносимым. Но нет, и тут мне не повезло. По-моему, ты даже стал красивее с тех пор, как начал пить. Да-да, незнакомый человек подумал бы, глядя на тебя, что твои нервы и мускулы никогда не знали напряжения.

На лужайке внизу играют в крокет: слышатся удары молотков о шары, негромкие возгласы, то приближающиеся, то удаляющиеся.

Правда, ты и раньше имел этот бесстрастный, отрешенный вид, как будто все для тебя – игра и тебе безразлично, выиграешь ты или проиграешь, но теперь, когда ты проиграл, вернее, не проиграл, а просто вышел из игры, в тебе есть то редкостное обаяние, какое обычно бывает только у очень старых или безнадежно больных, – обаяние сломленного человека. Ты выглядишь таким спокойным, таким спокойным, таким на зависть спокойным!

Слышна музыка.

В крокет играют. Луна взошла – белая-белая, только начинает желтеть... Ты был восхитительным любовником... Таким восхитительным в постели... может, потому, что в глубине души оставался безразличным? Да! Никогда ни о чем не тревожился, делал это естественно, легко, медленно, с абсолютной уверенностью в себе и полнейшим спокойствием, словно открывал перед женщиной дверь или подавал ей стул, а не утолял жажду обладания ею. Твое равнодушие делало тебя таким восхитительным в любви... Странно? Но это так... (*Пауза.*) Знаешь, если бы я поверила, что ты больше никогда, никогда не будешь близок со мной, я спустилась бы вниз на кухню, выбрала бы самый длинный и самый острый нож и вонзила бы его себе прямо в сердце; клянусь тебе, я бы это сделала! Но чего у меня нет, так это обаяния сломленного человека; я не собираюсь сдаваться – я намерена победить!

Стук крокетных молотков о шары.

Вот только в чем она – победа кошки на раскаленной крыше? Не знаю... Наверно, в том, чтобы держаться до последней возможности...

Звуки игры в крокет.

Позже, вечером, я скажу тебе, что люблю тебя, и, может быть, к тому времени ты будешь достаточно пьян, чтобы поверить мне. Да, там играют в крокет... Папа умирает от рака... О чем ты думал, когда я заметила этот твой взгляд? Ты думал о Капитане?

Брик берет свой костыль, встает.

О, извини меня, прости меня, но играть в молчанку дальше невозможно! Нет, играть в молчанку невозможно...

Брик подходит к бару, наливает и залпом выпивает виски, вытирает голову полотенцем.

Играть в молчанку невозможно... Когда что-то мучительно тревожит память или воображение, играть в молчанку нельзя: это все равно что при виде горящего дома запирается на все запоры в надежде забыть про пожар. Но закрывать глаза на пожар – не значит тушить его. От молчания то, о чем молчат, лишь становится больше. В молчании оно разрастается, загнивает, становится злокачественным... Одевайся, Брик.

Тот роняет костыль.

Брик. Я уронил костыль. (*Он уже перестал вытирать голову, но все еще стоит в белом махровом халате, держась за вешалку для полотенец.*)

Маргарет. Обопрись на меня.

Брик. Нет, просто подай мне мой костыль.

Маргарет. Обопрись на мое плечо.

Брик. Я не хочу опираться на твое плечо, я хочу получить костыль! (*В тоне, которым он произносит эти слова, есть что-то от внезапной вспышки молнии.*) Или ты подашь мне костыль, или мне придется опуститься на колени и...

Маргарет. Вот, вот, на, возьми! (*Протягивает ему костыль.*)

Брик (*идет, опираясь на костыль*). Спасибо...

Маргарет. Мы не должны кричать друг на друга: в этом доме у стен есть уши...

Проковыляв к бару, он снова наливает себе виски.

Между прочим, Брик, я впервые за долгое-долгое время слышала, как ты повисил голос. Что это? Трещина в стене... самообладания?.. По-моему, это хороший признак... Признак того, что обороняющийся игрок нервничает!

Брик поворачивается и холодно улыбается ей, потягивая виски.

Брик. Просто не пришло еще это, Мэгги.

Маргарет. Что – это?

Брик. Щелчок, который раздается у меня в голове, после того как я выпью достаточно вот этого, чтобы почувствовать себя спокойно... Сделаешь мне одно одолжение?

Маргарет. Может быть. Какое?

Брик. Говори потише, ладно?

Маргарет (*хриплым шепотом*). Я сделаю тебе такое одолжение, я буду говорить шепотом, а то и вовсе умолкну, если ты сделаешь одолжение мне и больше не будешь пить до конца праздника.

Брик. Какого праздника?

Маргарет. Дня рождения Папы.

Брик. Сегодня день рождения Папы?

Маргарет. Ты же знаешь, что сегодня день рождения Папы!

Брик. Нет, не знаю, забыл.

Маргарет. Зато я вспомнила – за тебя...

Оба говорят, ловя воздух ртом, как дети после драки; они тяжело переводят дух и смотрят друг на друга невидящим взглядом. Оба так дрожат и так задыхаются, будто их только что разняли.

Брик. Ай да Мэгги!

Маргарет. Тебе остается только написать несколько строк на этой открытке.

Брик. Напиши ты, Мэгги.

Маргарет. Написано должно быть твоим почерком: ведь это твой подарок. Свой подарок я ему уже вручила, а здесь должно быть написано твоим почерком.

Напряжение опять нарастает, голоса звучат резко.

Брик. Я не покупал ему подарка.

Маргарет. Я сделала это за тебя.

Брик. Отлично. Вот ты и надпиши открытку.

Маргарет. Чтобы он понял, что ты просто забыл про его день рождения?

Брик. Я забыл про его день рождения.

Маргарет. Незачем афишировать это!

Брик. Я не хочу его обманывать.

Маргарет. Ну ради бога, напиши только «С любовью, Брик» и...

Брик. Нет.

Маргарет. Ты должен!

Брик. Ничего я не должен, раз этого не хочу. Ты все время забываешь об условиях, на которых я согласился продолжать жить с тобой.

Маргарет (эти слова вырываются у нее произвольно). Я не живу с тобой. Мы занимаем одну клетку.

Брик. Ты не должна забывать наши условия.

Маргарет. Это невозможные условия!

Брик. Тогда почему бы тебе...

Маргарет. Тсс! Кто там? Кто-нибудь есть за дверью?

Шаги в холле.

Мэй (снаружи). Можно войти на минутку?

Маргарет. А, это ты! Конечно. Заходи, Мэй.

Входит Мэй, неся перед собой на вытянутых руках женский лук.

Мэй. Брик, эта вещь – твоя?

Маргарет. Что ты, Сестрица, это мой приз – «Трофей Дианы». Получила его как победительница межфакультетских состязаний лучников в старом добром Миссисипском университете.

Мэй. Очень опасно оставлять подобную вещь неубранной в доме, где полно нормальных, живых детей, которых тянет к оружию.

Маргарет. Нормальным, живым детям, которых тянет к оружию, следовало внушить, что чужое трогать нельзя.

Мэй. Мэгги, золотко, если бы у тебя у самой были дети, ты бы знала, как смешно то, что ты говоришь. Будь так добра, запри это и убери подальше ключ.

Маргарет. Сестрица, дорогая, никто не покушался на жизнь твоих деток. У нас с Бриком есть специальное разрешение на охоту с луком. Как только начнется охотничий сезон, мы махнем на озеро Мун – охотиться на оленей. Люблю бежать вслед за гончими, вдыхать лесную прохладу, бежать, бежать, перепрыгивать через препятствия... (*Заходит с луком в большой стеной шкафа.*)

Мэй. Как твоя щиколотка, Брик?

Брик. Не болит. Просто чешется.

Мэй. Подумать только! Брик... слушай, Брик, вы много потеряли, что не были внизу после ужина! Ребятишки устроили целое представление. Полли играла на пианино, Бастер и Сонни – на барабанах, а потом потушили свет, и Дикси с Трикси в газовых платящих исполнили танец на пуантах с бенгальскими огнями! Папа прямо-таки сиял! Он так весь и светился!

Маргарет (*из шкафа, с ироническим смехом*). О, еще бы! Я безумно огорчена, что мы пропустили это зрелище! (*Выходит.*) Но вот чего я не пойму, Мэй: зачем ты дала всем своим деткам вместо имен собачьи клички? (*С этими словами она идет поднять бамбуковые шторы, так как яркий закатный свет уже померк. По пути она подмигивает Брику.*)

Мэй. Собачьи клички?

Маргарет (*ангельским голосом*). Дикси, Трикси, Бастер, Сонни, Полли! Звучит так, словно это четыре собачки и попугай... цирковой номер с дрессированными животными!

Мэй. Мэгги!

Маргарет оборачивается с улыбкой на губах.

Почему ты такая злющая – царапаешься, как кошка?

Маргарет. Потому что я кошка! А вот почему ты, Сестрица, шуток не понимаешь?

Мэй. Ошибаешься, остроумные шутки я просто обожаю. Тебе хорошо известны настоящие имена наших малышей. Настоящее имя Бастера – Роберт. Настоящее имя Сонни – Сондерс. Настоящее имя Трикси – Мэрлин, а настоящее имя Дикси...

Голос Гупера снизу: «Эй, Мэй!» Она бросается к двери со словами: «Антракт окончен!»

Маргарет (*в момент, когда Мэй закрывает дверь*). А какое же настоящее имя у Дикси?

Брик. Мэгги, нет смысла злиться и цапаться...

Маргарет. Знаю! Ну а почему... я стала такой злючкой?.. Не потому ли, что меня гложет зависть, снедает страсть?.. Брик, я приготовила твой красивый чесучовый костюм, тот, что привезли из Рима, и шелковую рубашку с монограммой. Я вдену в манжеты запонки – те дивные звездочки-сапфиры, которые я так редко вижу на тебе...

Брик. Я не смогу натянуть брюки на эту гипсовую повязку.

Маргарет. Сможешь, я помогу тебе.

Брик. Нет, я не буду одеваться, Мэгги.

Маргарет. Ну хоть надел бы тогда белую шелковую пижаму?

Брик. Хорошо, надену, Мэгги.

Маргарет. Спасибо тебе, большое тебе спасибо!

Брик. Не за что.

Маргарет. О Брик! Сколько же это будет длиться? Сколько еще мне терпеть это наказание? Неужели я не до конца испила горькую чашу, неужели я не отбыла весь срок? Неужели мне нельзя просить... о помиловании?

Брик. Мэгги, ты портишь мне удовольствие от виски. В последнее время твой голос постоянно звучит так, словно ты влетела сюда наверх с сообщением, что весь дом в огне!

Маргарет. Ничего удивительного. Знаешь, как я себя чувствую, Брик?

Внизу хор детских и взрослых голосов громко, но нестройно декламирует стихотворение.

Я все время чувствую себя кошкой на раскаленной крыше!

Брик. Ну так спрыгни с крыши, возьми и спрыгни, кошки ведь прыгают с крыши и благополучно приземляются на четыре лапки!

Маргарет. О да!

Брик. Так сделай это! Ради бога, сделай это...

Маргарет. Сделай – что?

Брик. Заведи любовника!

Маргарет. Мне только ты нужен! Один ты! Даже с закрытыми глазами я вижу тебя! Хоть бы ты подурнел, Брик, что ли. Ну пожалуйста, растолстей или стань некрасивым, чтобы я могла вынести эту пытку. *(Подбегает к двери в холл, открывает ее, слушает.)* Концерт все продолжается! Браво, бесшеие, браво! *(Со стуком захлопывает дверь и яростно поворачивает ключ.)*

Брик. Зачем ты заперла дверь?

Маргарет. Чтобы мы могли немного побыть наедине.

Брик. Будь благоразумна, Мэгги.

Маргарет. Нет, я не буду благоразумна... *(Бросается к дверям на галерею и задерживает их розовыми портьерами.)*

Брик. Ты ставишь себя в глупое положение.

Маргарет. Мне все равно. Я не боюсь поставить себя в глупое положение из-за тебя!

Брик. Мне не все равно. Мне за тебя неловко.

Маргарет. Пусть неловко! Только перестань меня мучить. Я не могу жить так до бесконечности.

Брик. Ты согласилась...

Маргарет. Знаю, но...

Брик. ...принять это условие.

Маргарет. Я не могу! Не могу! Не могу! *(Впивается пальцами в его плечо.)*

Брик. Пусти! *(Вырывается, хватает низкий будуарный стул и держит его перед собой, словно дрессировщик в цирке, укрощающий большую кошку.)*

Проходит пять секунд. Она пристально смотрит на него, прижимая стиснутые в кулак пальцы ко рту, затем раздражается резким, почти истерическим смехом. Он еще какой-то момент сохраняет угрожающую позу, потом усмехается и ставит стул на место.

Из-за запертой двери доносится зов Мама.

Мама. Сынок! Сынок! Сынок!

Брик. Что, Мама?

Мама *(за дверью)*. Ах, сынок! Какая замечательная новость! Насчет Папы. Я просто не могла не подняться к тебе. Послушай, что я тебе скажу... *(Гремит дверной ручкой, пытается открыть дверь.)* Что такое? Почему эта дверь заперта? Уж не думаете ли вы, что в доме есть воры?

Маргарет. Мама, Брик одевается, он еще не одет.

Мама. Ну и что тут такого? Как будто я не видела Брика не одетым! Откройте поскорее эту дверь!

Маргарет, сделав гримасу, идет к двери, ведущей в холл, отпирает и отворяет ее. Тем временем Брик быстро ковыляет в ванную и захлопывает за собой дверь.

Мама в холле нет.

Маргарет. Мама?

Мама появляется с противоположной стороны – через двери на галерею, за спиной у Маргарет, ворча и пыхтя, как старый бульдог. Это полная женщина невысокого роста. Из-за возраста – ей шестьдесят – и излишка веса она почти все время слегка задыхается. Она находится в постоянном напряжении, как боксер на ринге или, скорее, как борец-дзюдоист. Она, возможно, несколько «выше» по происхождению, чем Папа, но ненамного. На ней черно-бело-серебристое кружевное платье и безвкусовые драгоценности общей стоимостью по меньшей мере в полмиллиона. Ей свойственна крайняя прямота.

Мама (громко, напугав Маргарет). Я тут... прошла через комнату Гупера и Мэй на галерею. Где Брик? Брик! Поскорей выходи оттуда, сынок, я отлучилась сюда на одну секунду и хочу сообщить тебе новость насчет Папы. Терпеть не могу запертых дверей в доме...

Маргарет (с деланой беспечностью). Я это заметила, Мама, но должны же люди иногда побыть одни, правда?

Мама. Нет, душечка, только не в моем доме. (Без паузы.) Зачем ты сняла с себя то платье? Мне казалось, ты выглядишь в кружевном платье так нарядно...

Маргарет. Мне тоже так казалось, но один из моих очаровательных соседей по столу воспользовался им как салфеткой, поэтому...

Мама (поднимая с полу чулки). Что-что?

Маргарет. Знаете, Мама, Мэй с Гупером так обидчивы, когда дело касается их деток... спасибо, Мама...

Мама ворча сунула поднятые чулки в руку Маргарет.

...что просто язык не поворачивается намекнуть, что их поведение оставляет желать...

Мама. Брик, выходи скорее! Брось, Мэгги, ты просто не любишь детей.

Маргарет. Я очень люблю детей! Обожаю их! Хорошо воспитанных!

Мама (мягко, ласково). Почему бы тебе тогда не нарожать своих собственных? Вот и воспитывала бы их как надо, вместо того чтобы все время цепляться к детям Гупера и Мэй.

Гупер (кричит снизу). Эй, Мама, Бетси и Хью уходят, хотят с тобой попрощаться!

Мама. Скажи им, чтобы обождали минутку, я сейчас спущусь! (Поворачивается к двери ванной и окликает Брика.) Сынок! Ты слышишь меня?

Слышен приглушенный ответ.

Мы только что получили заключение из лаборатории Очснерской клиники. Они ничего не обнаружили, сынок, все результаты отрицательные, во всех анализах – сплошные «нет»! Он совершенно здоров, если не считать небольшого функционального расстройства, оно называется – спастический колит. Ты меня слышишь, сынок?

Маргарет. Слышит, слышит, Мама.

Мама. Так что же он никак не отзывается? Боже ты мой, услышав такую новость, он должен был бы закричать от радости. Когда я это услышала, я завопила во все горло, уж поверь мне. Я завопила и разрыдалась и бухнулась на колени – смотри! (*Поднимает юбку.*) Видишь, какие синяки набила? Обоим врачам пришлось попытеть, прежде чем они поставили меня на ноги! (*Смеется; она всегда громко смеется над собой.*) Папа убить меня был готов! Но какая замечательная новость, а? (*Снова повернувшись в сторону ванной.*) После таких волнений, после всего, что мы пережили, получить такое заключение как раз в день рождения Папы! Папа старался не показать, как обрадовала его эта новость, но я же вижу: у него гора с плеч свалилась. Он и сам едва сдерживался, чтобы не заорать на радостях!

Снизу доносятся прощальные возгласы, и она бросается к двери.

Задержите их там внизу, не отпускайте! Вот что, одевайся живее, сейчас мы все поднимемся сюда и отпразднуем Папин день рождения в этой комнате, раз у тебя повреждена щиколотка. Как его щиколотка, Мэгги?

Маргарет. Сломана, Мама.

Мама. Знаю, что сломана.

В холле звонит телефон. Кто-то снимает трубку и говорит с негритянскими интонациями: «Дом мистера Поллита».

Я спрашиваю, все еще сильно болит?

Маргарет. Боюсь, я не смогу ответить на этот вопрос, Мама. Лучше спросите у него самого, сильно еще болит или нет.

Суки (*из холла*). Звонят из Мемфиса, миссис Поллит, это мисс Салли из Мемфиса.

Мама. Хорошо, Суки. (*Устремляется в холл, и слышно, как она кричит в трубку.*) Алло!.. Мисс Салли?.. Как поживаете, мисс Салли?.. Да, я как раз собиралась звонить вам, чтобы сообщить новость... Не слышно?.. (*Кричит во весь голос.*) Мисс Салли, никогда больше не звоните мне из вестибюля «Гейозо»! В вестибюле этой гостиницы слишком шумно, слишком много людей разговаривают, неудивительно, что вы меня не слышите! Так слушайте, мисс Салли, у Папы нет ничего серьезного. Мы только что получили медицинское заключение, у него все в полном порядке, если не считать расстройства, которое называется... спастический... спастический колит!.. (*Появляется в проеме двери, ведущей в холл, и зовет Маргарет.*) Мэгги, пойдика сюда и поговори с этой дурой. Я с ней глотку сорвала!

Маргарет (*выйдя в холл, мелодичным голосом разговаривает по телефону*). Мисс Салли?.. Это Мэгги говорит, жена Брика. Как приятно слышать ваш голос. А вы меня слышите?.. Вот и славно! Мама только хотела сообщить вам, что получено медицинское заключение из Очснерской клиники и что у Папы нашли спастический колит... Да, спастический колит, мисс Салли... Совершенно верно, спастический колит. До свидания, мисс Салли, надеюсь, до скорой-скорой встречи! (*Кладет трубку на мгновение раньше, чем мисс Салли смогла бы открыть рот, чтобы продолжить разговор. Возвращается через дверь, выходящую в холл.*) Она меня прекрасно слышала. Я давно обнаружила, что, когда говоришь с глухими, надо не кричать, а лишь четко произносить слова. Моя богатая родственница, старая тетушка Корнелия, была глуха как пень, однако я научилась говорить так, чтобы меня она слышала: каждое словечко выговаривала медленно, внятно, близко к ее уху. По вечерам читала ей «Коммерческий вестник» – все подряд, даже страницы объявлений, она ни строчки не давала пропустить. И так каждый божий день. Но какая же подлая оказалась старуха! Знаете, что она оставила мне после смерти? Подписку до конца года на пять журналов и библиотечку дешевых изданий,

полную самых скучных книг, которые когда-либо были написаны! Все остальное досталось ее сестре, ужасной стерве, еще подлее, чем она!

Во время этой тирады Мама наводит порядок в комнате.

Мама (закрывая дверь стеного шкафа, куда она отправила разбросанную одежду). Ох уж мне эта мисс Салли! Папа говорит, она постоянно попрошайничает. Что верно, то верно. Бедная старуха вечно кланчит. По-моему, Папа дает ей меньше, чем следовало бы...

Снизу зовут ее, и она кричит в ответ: «Иду-иду!» Направляется к выходу в холл, но в дверях поворачивается и быстро показывает пальцем сначала на дверь ванной, затем на бар, спрашивая жестами: «Брик пил?» Маргарет делает вид, будто ничего не понимает, пожимает плечами и поднимает брови, показывая, что она совершенно озадачена этой пантомимой.

(Устремляется обратно к Маргарет.) Брось! Не прикидывайся дурочкой! Я спрашиваю, много он уже хватил спиртного?

Маргарет (с коротким смешком). О, по-моему, выпил бокал после ужина.

Мама. Не смейся над этим! Одни мужчины после женитьбы перестают пить, а другие, наоборот, начинают! Брик ни капли в рот не брал до того, как...

Маргарет (выкрикивает). Это несправедливо!

Мама. Справедливо или несправедливо, но я хочу задать тебе один вопрос: ты делаешь Брика счастливым в постели?

Маргарет. Почему вы не спросите, делает ли он меня счастливой в постели?

Мама. Потому что я знаю, что...

Маргарет. Это все – обоюдно!

Мама. Что-то здесь не так! Ты бездетна, а мой сын пьет! (Ее зовут снизу, и, произнося последнюю реплику, она торопливо идет к двери; у двери оборачивается и показывает пальцем на кровать.) Когда брак расстраивается, причина здесь, вот здесь!

Маргарет. Это...

*Мама с достоинством выплыла из комнаты и захлопнула за собой дверь.
...несправедливо...*

Маргарет остается одна, совсем одна, и она с отчаянием ощущает это одиночество. Втягивает голову в плечи, сутулится, прижимает к лицу руки со сжатыми кулаками и крепко зажимает глаза, как ребенок в ожидании укола. Когда снова открывает глаза, ее взгляд падает на продолговатое овальное зеркало; она бросается к нему, скривив лицо, рассматривает себя и спрашивает: «Ты кто?» Затем слегка приседает, словно кошка, сжавшаяся перед прыжком, и отвечает себе измененным голосом – высоким, тонким, передразнивающим: «Я кошка Мэгги!» Быстро выпрямляется в тот момент, когда, приоткрыв дверь ванной, Брик спрашивает у нее: «Ушла Мама?»

Маргарет. Ушла.

Брик открывает дверь ванной и, ковыляя, направляется прямо к бару с пустым стаканом в руке. Он тихо насвистывает. Маргарет провожает его взглядом, поворачивая голову на длинной, изящной шее.

(Нерешительно подносит руку к горлу – так, словно ей трудно глотнуть.) Знаешь, если бы наша интимная жизнь просто угасла, постепенно и естественно сошла на нет, но... ведь она оборвалась внезапно, намного раньше, чем это обычно бывает, и она обязательно возродится – так же внезапно. Я уверена в этом. Вот для чего я стараюсь остаться привлекательной. В ожидании того момента, когда ты снова увидишь меня так, как видят другие мужчины. Да-да, как видят меня другие мужчины! Они по-прежнему глазят на меня, Брик, и им нравится то, что они видят. Да-да! Кое-кто из них готов многое отдать... Посмотри, Брик! *(Стоя перед продолговатым овальным зеркалом, она обеими руками касается своей груди, потом бедер.)* Какое еще упругое у меня тело! Ни здесь, ни здесь ничего не опустилось, ни капельки...

Она говорит тихим, дрожащим голосом, в котором звучит детская мольба. В этот момент, когда он оборачивается и бросает на нее быстрый взгляд, она должна властно завладеть вниманием публики и держать ее в неослабном напряжении вплоть до первого антракта.

Я все еще возбуждаю желание в мужчинах. Лицо у меня иногда бывает осунувшимся, но фигура, как и у тебя, отлично сохранилась, и мужчины продолжают любоваться ею. На улицах они как один оглядываются на меня. Не дальше как на прошлой неделе в Мемфисе всюду, куда бы я ни пошла, мужчины бросали на меня такие пламенные взгляды – сквозь платье жгло! В клубе, в ресторанах, в магазинах буквально каждый встречный мужчина пялил на меня глаза, потом оборачивался и смотрел мне вслед. А что было на вечере, который Элис задала в честь своих нью-йоркских кузенов?! Самый красивый мужчина в компании последовал за мною наверх и пытался войти вместе со мной в дамскую туалетную комнату: не отставал от меня до самой двери и сделал попытку протиснуться внутрь!

Брик. Почему же ты его непустила, Мэгги?

Маргарет. Хотя бы потому, что я не настолько вульгарна. Пусть бы даже мне и хотелось уступить. Сказать, кто это был? Великолепный Максвелл, вот кто!

Брик. Как же, помню, помню, хороший был нападающий, но получил какую-то травму спины и сошел со сцены.

Маргарет. Теперь у него нет травмы и нет жены, и он по-прежнему ко мне неравнодушен!

Брик. В таком случае надо было впустить его в туалетную.

Маргарет. Чтобы меня застали там с ним? Я не настолько глупа. О, может, когда-нибудь я еще изменю тебе, раз уж ты так оскорбительно толкаешь меня на это! Но если я и встречусь с каким-нибудь мужчиной, то, будь уверен, я позабочусь о том, чтобы ни одна душа не узнала. Потому что я не намерена давать тебе повод развестись со мной как с неверной женой.

Брик. Мэгги, я не стал бы разводиться с тобой как с неверной женой. Разве ты не знаешь? Да я бы только рад был узнать, что ты нашла себе любовника.

Маргарет. Нет уж, лучше не рисковать. Предпочитаю быть кошкой на раскаленной крыше.

Брик. Не очень это, наверно, уютно – быть кошкой на раскаленной крыше... *(Начинает тихонько насвистывать.)*

Маргарет. Да, конечно, но я смогу вытерпеть столько, сколько потребуется.

Брик. Ты могла бы уйти от меня, Мэгги. *(Снова насвистывает.)*

Маргарет *(резко поворачивается и бросает на него яростный взгляд).* Не хочу! И не уйду! К тому же, если бы я ушла от тебя, ты не смог бы мне дать ни цента, кроме того, что тебе подкинет Папа, а он умирает от рака!

Заметно, что до сознания Брика наконец дошло – по-видимому, только теперь, – что Папа обречен, и он вопросительно смотрит на Маргарет.

Брик. Мама только что сказала, что он здоров и диагноз благоприятный.

Маргарет. Она так думает, потому что ей сказали то же, что сказали Папе. И оба с готовностью поверили, бедные старики... Но сегодня вечером ей скажут правду. Когда Папа ляжет спать, ей скажут, что он умирает от рака. *(Со стуком задвигает ящик комода.)* Опухоль злокачественная, и это последняя стадия.

Брик. Папа знает?

Маргарет. Ну что ты, разве таким больным когда-нибудь говорят об этом? Никто не говорит им: «Вы умираете». Все должны их обманывать. Они сами себя должны обманывать.

Брик. Зачем?

Маргарет. Зачем? Затем, что люди мечтают жить вечно, вот зачем! Но большинство хочет вечной жизни на земле, а не на небе.

Он реагирует на этот проблеск юмора коротким, невеселым смешком.

Вот так... *(Подводит брови и глаза.)* Такие дела... *(Оглядывается вокруг.)* Куда я положила сигарету? Не хватало еще поджечь этот дом, да еще когда здесь Мэй с Гупером и пятеркой уродов! *(Нашла сигарету и жадно затягивается, выпуская дым.)* Так что это его последний день рождения. А Мэй с Гупером – они знают. О, они-то отлично знают! Они первыми получили все сведения из Очснерской клиники. Вот почему они прикатили сюда со своими бесшеими уродами. Поэтому. А ты знаешь одну вещь? Что Папа еще не составил завещания? Папа никогда в жизни не составлял завещания, и они теперь из кожи лезут, стараясь покрепче внушить ему, что ты спиваешься, а я не имею детей!

Он какое-то время продолжает пристально смотреть на нее, затем, буркнув что-то резкое, но невнятное, поспешно ковыляет из комнаты на галерею, освещенную угасающим, уже сильно померкшим золотым светом.

Маргарет *(продолжая говорить с распевом литургии).* А ты знаешь, я ведь люблю Папу, искренне люблю этого старика, действительно люблю его. Знаешь...

Брик *(тихо, рассеянно).* Да, знаю...

Маргарет. Я всегда восхищалась им, несмотря на его грубые манеры, непристойный язык и тому подобное. Потому что Папа остается самим собой и не стыдится быть таким, какой он есть. Он не стал корчить из себя джентльмена-плантатора, он до сих пор остается деревенщиной с низовьев Миссисипи, таким же неотесанным деревенщиной, каким он, наверно, был, когда работал здесь простым надсмотрщиком у прежних владельцев имения – Джека Строу и Питера Очелло. Но он стал-таки хозяином имения и превратил его в самую большую и самую доходную плантацию во всей Дельте. Папа всегда мне нравился... *(Выходит на просцениум.)* Значит, это последний его день рождения. Жалко. Но приходится смотреть фактам в лицо. Нужно много денег, чтобы заботиться о пьянице, а именно эта высокая обязанность легла с некоторых пор на мои плечи.

Брик. Ты не обязана заботиться обо мне.

Маргарет. Обязана. Когда двое находятся в одной лодке, они должны заботиться друг о друге. Во всяком случае, тебе потребуются деньги на отборное виски, когда ты прикончишь весь запас. Или ты удовлетворишься девятицентовым пивом? Мэй с Гупером замышляют лишить нас прав наследства на имение Папы, они хотят сыграть на том, что ты пьешь, а я бездетна. Но мы можем сорвать их планы. Мы сорвем их планы! Брик, знаешь, всю свою жизнь я была ужасно, отвратительно бедна! Это правда, Брик!

Брик. Я не говорил, что это неправда.

Маргарет. Всегда должна была подлизываться к людям, которых терпеть не могла, потому что они имели деньги, а я была бедна как церковная мышь. Ты не знаешь, каково это.

Так я скажу тебе: это все равно как если бы ты оказался за тысячу миль от своего виски! И должен бы был добираться до него с этой сломанной ногой... без костыля!.. Вот каково приходится, когда ты бедна как церковная мышь и должна подлизываться к родственникам, которых ты ненавидишь, потому что у них есть деньги, а у тебя нет ничего, кроме чужих обносков да нескольких заплесневевших от старости трехпроцентных государственных облигаций. Мой папочка, видишь ли, был любитель выпить, это у него стало страстью, совсем как у тебя! А бедная мама должна была делать вид, будто ничего не произошло и мы по-прежнему занимаем положение в обществе, тогда как весь наш доход составляли полтора доллара в месяц по этим старым государственным облигациям! В тот год, когда я впервые появилась в обществе, когда состоялся мой первый выезд в свет, у меня было всего два вечерних платья! Одно из них мать сама сшила мне по выкройке из журнала мод, а другое – поношенное – дала мне противная богатая кузина, которую я не переносила! На нашей с тобой свадьбе я была в подвенечном платье моей бабушки... Вот почему я чувствую себя кошкой на раскаленной крыше!

Брик все еще на галерее. Кто-то – судя по голосу, негр, – участливо окликает его снизу: «Привет, мистер Брик, как ваша нога?» Брик поднимает стакан, словно это ответ на вопрос.

Молодой еще можно прожить без денег, но старой без денег не проживешь. В старости никак нельзя без денег, потому что быть старой и без денег – это слишком ужасно. Можно быть или молодой, или богатой, но старой и бедной быть невыносимо. Это правда, Брик...

Брик рассеянно насвистывает.

Ну вот, теперь я одета, полностью одета, больше мне делать нечего. (*Жалким, почти испуганным голосом.*) Я одета, полностью одета, делать мне больше нечего... (*Она беспокоится, бесцельно движется по комнате и говорит как бы сама с собой.*) Я знаю, в чем была моя ошибка... Что же еще?.. Ах да! Мои браслеты... (*Начинает нанизывать на запястья целую коллекцию браслетов, по пяти-шесть на каждую руку.*) Я много об этом думала и теперь знаю, в чем была моя ошибка. Да, я совершила ужасную ошибку, когда рассказала тебе правду об истории с Капитаном. Ни под каким видом не должна была признаваться, это была роковая ошибка – рассказать тебе про тот случай с Капитаном.

Брик. Мэгги, помолчи о Капитане. Я серьезно говорю, Мэгги: прикуси язык и помолчи о Капитане.

Маргарет. Да пойми же ты, что мы с Капитаном...

Брик. Не думаешь ли ты, что я шучу, Мэгги? Может, тебя обманывает то, что я говорю не повышая голоса? Пойми, Мэгги, ты играешь с огнем. Ты... ты... ты престаупаешь границы, престаупать которые нельзя никому.

Маргарет. Нет уж, теперь я скажу все, что должна тебе сказать. Мы с Капитаном занимались любовью, если только это можно назвать любовью, потому что в результате каждый из нас ощутил, что стал еще немного ближе к тебе. Понимаешь ты, сукин сын этакий, ты слишком много требовал от людей – от меня, от него, от всех бедных, несчастных, жалких сукиных детей, которым довелось любить тебя, а таких было немало, да, таких было немало помимо меня и Капитана; ты чересчур многого требовал от тех, кто тебя любил, ты – высшее существо! Ты, божественный и несравненный! И вот мы с ним легли в постель, и оба вообразили в мечтах, что это я с тобой. И я, и он! Да-да-да! Это правда, правда! Что тут такого ужасного? Я не вижу в этом... По-моему, все дело в том... Да, я не должна была говорить тебе...

Брик (*сейчас голова его слегка откинута назад и неестественно неподвижна*). Это Капитан сказал мне. Не ты, Мэгги.

Маргарет. Я сказала тебе!

Брик. После того, как сказал он!

Маргарет. Какая разница, кто...

Брик (*внезапно поворачивается и, облокотясь на перила, зовет*). Эй, девочка! Девочка! Девочка (*издали*). Что, дядя Брик?

Брик. Скажи всем, чтобы шли сюда наверх! Пусть идут сюда!

Маргарет. Я не могу остановиться! Пускай приходят – я и при них стану говорить тебе об этом...

Брик. Девочка! Ну иди же, иди. Делай, что я тебе сказал, зови их!

Маргарет. ...потому что я должна, должна высказать тебе это, а ты, ты!.. Ты никогда мне не даешь! (*Разражается рыданиями, потом берет себя в руки и продолжает почти спокойно.*) Это было что-то прекрасное, идеальное, о чем говорится в греческих легендах; да и не могло быть ничем другим, ведь ты же есть ты, поэтому и было все так грустно, так ужасно. Это была такая любовь, которая никогда бы не смогла ни во что воплотиться, не принесла бы никакого удовлетворения, куда там, даже откровенного признания не допустила бы. Брик, поверь мне, Брик, я понимаю это, все понимаю! По-моему, это было... это было нечто благородное! Разве ты не видишь, с каким уважением я говорю об этом? Я только в одном, одном-единственном хочу убедить тебя: нужно позволить жизни продолжаться, пусть даже с мечтой о жизни... все... кончено...

Брик сейчас без костыля. Опираясь на мебель, он передвигается по комнате туда, где остался костыль, и подбирает его.

(*Горячо, словно одержимая какой-то неподвластной ей силой.*) Помню, когда в колледже мы встречались вчетвером, Глэдис Фицджеральд и я, ты и Капитан, это больше смахивало на свидания между тобой и Капитаном. Мы же с Глэдис были при вас чем-то вроде компаньонов, словно вы нуждались в провожатых! Чтобы произвести хорошее впечатление на публику...

Брик (*угрожающе приподнимает костыль*). Мэгги, ты хочешь, чтобы я ударил тебя этим костылем? Ты что, не знаешь, что я могу убить тебя этим костылем?

Маргарет. Господи боже мой, да убивай, пожалуйста, как будто мне не все равно!

Брик. У человека раз в жизни бывает что-то большое; хорошее, настоящее. Большое, хорошее – и притом настоящее! У меня была дружба с Капитаном. А ты говоришь о ней грязно!..

Маргарет. Я не говорю о ней грязно! Я говорю о ней как о чем-то чистом.

Брик. Не любовь к тебе, Мэгги, а дружба с Капитаном была для меня этим единственным, большим и настоящим. Ты же говоришь о ней грязно.

Маргарет. Значит, ты не слушал меня, не понял, что я говорю! Я говорю о ней как о чем-то до того чистом, что это убило беднягу Капитана! То, что было между вами, приходилось держать на льду, да-да, чтобы не испортилось, да! И смерть была единственным средством сохранить это...

Брик. Я женился на тебе, Мэгги. Зачем бы я женился на тебе, Мэгги, если бы я был...

Маргарет. Брик, подожди разбивать мне голову, дай мне кончить! Я же знаю, поверь мне, я знаю, что только Капитан желал, да и то подсознательно, чтобы между вами возникло что-то такое, что не было бы абсолютно чистым... Позволь мне напомнить, как все было. Мы с тобой поженились в самом начале лета в год окончания нашего, старого Миссисипского университета и были счастливы, ведь правда же? Мы были счастливы, блаженствовали, вместе взрывались восторгом каждый раз, когда любили! Но осенью того же года вы с Капитаном отклоняете замечательные предложения работы, решив и дальше оставаться героями футбола, уже профессионалами. Той же осенью вы создаете свою команду, «Звезды Юга», чтобы навеки

оставаться неразлучными друзьями-спортсменами! Но что-то тут не заладилось, что-то с вами – и со мной тоже! – начало твориться. Капитан стал прикладываться к бутылке... ты тогда повредил позвоночник и не мог играть в День благодарения в Чикаго – смотрел матч по телевизору, лежа на больничной койке в Толидо. Я поехала с Капитаном. «Звезды Юга» проиграла, потому что бедняга Капитан был пьян. Мы с ним пили тогда всю ночь в баре гостиницы, а когда над озером Мичиган начал заниматься холодный рассвет и мы, пьяные до головокружения, вышли полюбоваться им, я сказала: «Капитан! Ты должен или разлюбить моего мужа, или попросить его принять твою любовь!» Или то, или другое! Он наотмашь ударил меня по губам! Потом повернулся и побежал – наверняка так и мчался без остановки до дверей своего номера... Ночью я пришла к нему, поскреблась в дверь, как пугливая мышка, и он предпринял ту жалкую, напрасную, тщетную попытку доказать, что сказанное мной – неправда...

Брик поднимает костыль и, целя в Мэгги, наносит удар, от которого вдребезги разбивается изящная лампа на столе.

Этим я его и погубила – сказав ему правду, которую, как внушил себе он сам, как внушал ему тот мир, где он родился и вырос, твой и его мир, ни в коем случае нельзя говорить! Ведь так?.. С тех пор Капитан был конченный человек: он только пил и накачивался наркотиками... Кто подстрелил дрозда? Я, я... *(откинув голову и крепко зажмурив глаза)* своей стрелой милосердной!

Брик снова наносит удар костылем; снова промахивается.

Промахнулся! Прости, я не пытаюсь оправдать мой поступок, боже мой, нет! Я скверная, Брик. Не понимаю, зачем это нужно – притворяться хорошими, ведь хороших людей нет. Богатые и обеспеченные, те могут позволять себе соблюдать моральные нормы, обычные моральные нормы, но я никогда не могла позволить себе такую роскошь. Вот так-то! Зато я не притворяюсь! Уж в честности мне не откажешь, ведь правда? Родилась бедной, росла бедной и бедной, наверно, умру, если только не сумею урвать что-нибудь на нашу долю из наследства Папы, когда он умрет от рака! Но пойми же, Брик! Капитан умер! Я жива! Кошка Мэгги...

Брик, неловко прыгая на одной ноге, снова пытается пришибить ее костылем.

...жива! Я жива! Я...

Он швыряет в нее костылем – костыль пролетает над кроватью, за которой она укрылась. Брик, потеряв равновесие, падает лицом вперед на пол, и в этот же момент она заканчивает свою реплику.

...жива!

В комнату врывается Дикси, в головном уборе индейского воина и с игрушечным пистолетом в руке; она стреляет пистонами в Маргарет и кричит: «Бах, бах, бах!» Снизу, через открытую дверь в холл, доносится смех. При появлении девочки Маргарет, тяжело дыша, присела на край кровати.

(Встает и с холодной яростью произносит.) Девочка, твоя мама или еще кто-нибудь должны были научить тебя... *(переводит дыхание)* стучаться в дверь, прежде чем входить в комнату. А то люди могут подумать, что ты... плохо воспитана...

Дикси. Что делает на полу дядя Брик?

Брик. Я пытался убить твою тетю Мэгги, но промахнулся – и упал. Девочка, подай мне мой костыль, чтобы я смог встать с пола.

Маргарет. Да, подай своему дяде костыль, милая, он у нас инвалид: сломал себе лодыжку вчера ночью, когда прыгал через барьеры на школьной спортивной площадке!

Дикси. Почему вы прыгали через барьеры, дядя Брик?

Брик. Потому что я прыгал через них раньше, а люди любят делать то, что они делали раньше, даже когда больше не могут делать это...

Маргарет. Вот так. Слышала? А теперь, девочка, уходи.

Дикси трижды стреляет в Маргарет из своего пистонного пистолета.

Перестань, перестань сейчас же, уродина! Ах ты маленькая бесшестеренная уродина! (*Вырывает пистолет и выбрасывает его вон через распахнутые двери на галерею.*)

Дикси (*с преждевременно развившейся способностью уязвить побольнее*). Вы завидуете! Вы завидуете, потому что не можете рожать детей! (*С вытянутым животом проплывает мимо Маргарет на галерею, показав ей по дороге язык.*)

Маргарет с силой захлопывает за ней двери и прислоняется к ним, часто и тяжело дыша.

Пауза. Брик, чье виски расплескалось, наливает себе новую порцию и с отрешенным выражением лица сидит на огромной, с пологом на четырех столбиках, кровати.

Маргарет. Видишь? Они злословят по поводу нашей бездетности даже при пятерых своих маленьких бесшестеренных уродцах!

Пауза. Голоса людей, поднимающихся по лестнице.

Брик, в Мемфисе я показала врачу... гинекологу... Меня тщательно обследовали и сказали, что мы можем иметь ребенка, когда только захотим. А сейчас у меня как раз тот период, чтобы... Ты слушаешь меня? Ты слушаешь? Ты слушаешь меня?!

Брик. Да. Я слышу тебя, Мэгги. (*Останавливает взгляд на ее пылающем лице.*) Но, черт возьми, хотел бы я знать, как это ты собираешься зачать ребенка от мужчины, который тебя не переносит?

Маргарет. Над этим-то я и ломаю себе голову. (*Резко поворачивается в сторону двери, ведущей в холл.*) Идут!

Огни лампы постепенно гаснут.

Занавес

Действие второе

На сцене не произошло никакого перерыва во времени. Маргарет и Брик – в тех же позах, в каких они были в момент окончания первого действия.

Маргарет (у двери). Идут!

Первым появляется Папа – высокий мужчина с пронзительным, тревожным взглядом. Он движется с осторожностью, чтобы ни перед кем не обнаружить свою слабость, даже перед собой, а вернее – прежде всего перед собой.

Папа. Ну-ну, Брик.

Брик. Привет, Папа... Поздравления!

Папа. А, уволь...

Приближаются и остальные, одни – через холл, другие – по галерее: с обеих сторон доносятся голоса. На галерее перед дверями показываются Гупер и его преподобие Тукер, их голоса отчетливо слышны. Они останавливаются снаружи, пока Гупер раскуривает сигару.

Тукер (оживленно). Да, но ведь у церкви Святого Павла в Гренаде уже целых три мемориальных витража, причем последний из них – лучшего цветного стекла, с изображением Христа как доброго пастыря с агнцем на руках, – стоит две с половиной тысячи!

Гупер. И чье же это пожертвование, ваше преподобие?

Тукер. Вдовы Клайда Шлетчера. Она же пожертвовала церкви Святого Павла купель.

Гупер. Знаете, отец, что следовало бы пожертвовать вашей церкви? Систему охлаждения!

Тукер. Да уж что верно, то верно! А знаете, как почтила семья Гаса Хэмма его память? Пожертвовала церкви в Ту Риверс совершенно новое каменное здание для нужд прихожан с баскетбольной площадкой в подвальном этаже и...

Папа (с громким лающим смехом, который в действительности совсем не весел). Э, ваше преподобие! Что это вы все толкуете о пожертвованиях в память усопших? Уж не думаете ли вы, что кто-то здесь собрался сыграть в ящик? А?

Обескураженный этим вопросом Тукер не находит ничего лучшего, как громко рассмеяться. Мы так и не узнаем, что бы он сказал в ответ, потому что его выводит из неловкого положения приход жены Гупера, Мэй, и «дока» Бо, семейного врача: едва только они появляются у порога двери, ведущей из холла, ее высокий, резкий голос начинает звучать на всю комнату.

Мэй (почти благоговейно). ...Значит, так: им делали уколы против брюшного тифа, уколы против столбняка, уколы против дифтерита, уколы против желтухи, уколы против полиомиелита – эти уколы им делали каждый месяц с мая по сентябрь, – а еще им делали прививки... Гупер? Эй, Гупер! Против чего делали прививки всем нашим малышам?

Маргарет (не дожидаясь конца предыдущей реплики). Брик, включи проигрыватель! Послушаем для начала музыку!

Беседа становится общей, голоса говорящих, сливаясь, звучат подобно птичьему гомону. Один только Брик не принимает участия в разговоре; стоит с рассеянной, отсутствующей улыбкой, облокотясь на бар и время от времени прикладывая ко лбу кубик льда в бумажной

салфетке. Он никак не реагирует на просьбу Маргарет. Она сама устремляется к комбайну и наклоняется над его пультом управления.

Гупер. Мы подарили им эту вещь к третьей годовщине свадьбы; там три громкоговорятеля.

Комната внезапно содрогается от мощных звуков кульминации вагнеровской оперы или бетховенской симфонии.

Папа. Выключите к черту эту штуковину!

Почти сразу вслед за этим наступает тишина, через мгновение нарушаемая громкими возгласами Мама, которая вкатывается через дверь из холла со стремительностью атакующего носорога.

Мама. Где тут мой Брик, где мой дорогой малыш?!

Папа. Извиняюсь! Включите поскорей снова!

Все очень громко смеются. Папа известен своими насмешками над Мамой, и громче всех смеется этим его шуткам сама Мама, хотя иногда они бывают довольно жестокими, – тогда она берет в руки какую-нибудь вещь или начинает суетливо что-нибудь делать, чтобы скрыть обиду, которую не может замаскировать даже громкий хохот. На этот раз она в отличном настроении: после того как ей сообщили вымышленное «медицинское заключение» о состоянии здоровья Папы, у нее отлегло от сердца. Поэтому сейчас она лишь глупо и смущенно хихикает, глядя на Папу, а потом оборачивается к Брику – все это очень живо и энергично.

Мама. Вот он где, вот мой дорогой малыш! Что это у тебя в руке? Отдай-ка этот стакан, сынок, твоя рука создана, чтобы держать вещи получше!

Гупер. Посмотрим, как Брик отдаст свой стакан!

Брик отдает стакан Маме, предварительно осушив его. И снова все раздражаются хохотом, одни – тонким, другие – басовитым.

Мама. Ах ты мой плохой мальчик, ай-ай-ай, мой бяка мальчик! Ну поцелуй свою мамочку, непослушный шалун! Глядите-ка, не хочет, отворачивается. Брик никогда не любил, чтобы его целовали и лезли к нему с нежностями, – видно, он всегда был слишком этим избалован! Сынок, выключи эту штуку!

Брик только что перед этим включил телевизор. Выключает.

Терпеть не могу телевизор; уж радио – хорошего мало, а телевизор – того хуже. (*Пыхтя, илепается на стул.*) Ой, что же я тут-то уселась? Я хочу сидеть на диване, рядом с моим любимым, держаться с ним за руки и ласково прижиматься к нему!

На Маме все то же черно-бело-серебристое платье. Его крупный асимметричный рисунок, напоминающий пятнистую шкуру какого-то массивного животного, блеск больших бриллиантов и многочисленных жемчужин, сверкающие бриллианты, вделанные в серебряную оправу ее очков, ее трубный голос и зычный хохот – все это с момента появления Мама бук-

важно заполняет собой всю комнату. Папа смотрит на нее с постоянной гримасой хронического раздражения.

(Еще громче.) Ваше преподобие, эй, ваше преподобие! Дайте-ка мне руку и помогите встать с этого стула!

Тукер. Знаю я ваши фокусы!

Мама. Какие фокусы? Дайте мне руку, чтобы я могла встать и...

Тукер протягивает ей руку. Она хватается за руку и усаживает себе на колени с пронзительным хохотом.

Видели когда-нибудь священника на коленях у толстой дамы? Эй, эй, люди! Видели священника на коленях у толстой дамы?

Мама на всю округу прослыла любительницей подобных грубых, неизящных шуток. Маргарет наблюдает эту сцену со снисходительным юмором, потягивая красное вино со льдом и поглядывая на Брика, зато Мэй с Гупером обмениваются досадливыми жестами: они относятся к фиглярству Мама не с юмором, а с беспокойством, так как Мэй видит в подобных ее выходках возможную причину того, что, несмотря на все их с Гупером старания, им как-то не удается войти в круг избранных молодых пар Мемфиса.

В комнату, хихикая, заглядывает кто-то из слуг-негров, Лейси или Суки. Они ожидают знака внести именинный пирог и шампанское. Папе совсем не весело. Несмотря на то что, услышав благоприятное заключение врачей, он почувствовал огромное душевное облегчение, он недоумевает, почему же не отпускает мучительная боль: словно лисьи зубы вгрызаются в кишечник. «Однако этот спастический колит – серьезная штука», – говорит он самому себе, но вслух рычит на Маму.

Папа. Слушай, Мама, может, хватит возни? Ты слишком стара и слишком толста для этих детских дурачеств. И кроме того, женщине с твоим давлением – у нее двести весной было! – опасно так резвиться – кондрашка может хватить...

Мама. Давайте праздновать Папин день рождения!

Негры в белом вносят огромный именинный пирог с зажженными свечами и ведерки с шампанским во льду; горлышки бутылок украшены атласными лентами. Мэй с Гупером запевают песню, и все, в том числе негры и дети, подхватывают. Один только Брик остается безучастным.

Все.

С днем рождения!
С днем рождения!
Папа, поздравляем.

Внуки же поют.

Деда поздравляем. Счастья вам желаем!

Другие поют.

Долгих лет желаем!

Мэй вышла на середину сцены и образует из своих детей некое подобие хора. Мы слышим, как она вполголоса отсчитывает: «Раз, два, три!» – и они запевают новую песенку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.